

2. Введенский, А. Общий смысл философии Н.Н. Страбова. Статья 1. / А. Введенский. – М., 1897. – 420 с.
3. Галактионов, А.А. Органическая теория как методология социологической концепции Н.Я. Данилевского / А.А. Галактионов // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – СПб., 1995. – 180 с.
4. Грот, Н.Я. Памяти Н.Н. Страбова / Н.Я. Грот. – М., 1896. – 225 с.
5. Данилевский, Н. Я. Сборник политических и экономических статей / Н.Я. Данилевский. – СПб., 1890. – 390 с.
6. Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского / Н.Н. Страхов// Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – СПб., 1995. – 420 с.
7. Страхов, Н.Н. О книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа»/ Н.Н.Страхов // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. – 513 с.
8. Фет, А.А. Сочинения в 2-х томах/А.А. Фет. –М., 1982. –Т. 1. – 185 с.

УДК 81.42

Голованевский А.Л.
(Брянск, Российская Федерация)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ ОППОЗИЦИОННЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ

Російський опозиційний політичний дискурс в даний час, відкидаючи лексичне і оціночне наповнення окремих груп мовних знаків, при посиленні міжидеологічної боротьби намагається створити свою ідеологію і відповідно мова цієї ідеології, протиставлений пануючій в Росії ліберальній ідеології.

Ключові слова: політичний дискурс, ідеологія, ідеологічний мову, міжидеологічна боротьба, ідеологічно-оцінна лексика, Изборский клуб, лібералізм, антиліберальна ідеологія, імперія, імперський.

Русский оппозиционный политический дискурс в настоящее время, отвергая лексическое и оценочное наполнение отдельных групп языковых знаков, при усилении межидеологической борьбы пытается создать свою идеологию и соответственно язык этой идеологии, противопоставленный господствующей в России либеральной идеологии.

Ключевые слова: политический дискурс, идеология, идеологический язык, межидеологическая борьба, идеологически-оценочная лексика, Изборский клуб, либерализм, антилиберальная идеология, империя, имперский.

Russian opposition political discourse today, rejecting the lexical and the estimated content of individual groups of linguistic signs, within the intensification of inter-ideological struggle, is trying to create its own ideology and correspondingly the language of this ideology, opposed to the liberal ideology dominating in Russia.

© Голованевский А.Л., 2013

The key-words: political discourse, ideology, ideological language, inter-ideological struggle, ideologically-evaluative vocabulary, Izborsky club, liberalism, anti-liberal ideology, empire, imperia.

Политический дискурс (ПД) активно внедряется во все сферы жизни нашего государства, что непосредственно отражается на структурно-семантическом расширении понятий, выступающих в нем в качестве ключевых слов. Некоторые из этих слов рассмотрены нами в двух последних статьях в сборнике «Язык и культура» [1; 2]: *национализм, патриот, партия, конституция, консерватизм*. Была прослежена также история понимания слова *революция* в русском политическом и лексикографическом дискурсах. Утверждая, что единицей политического дискурса является идеологема, т.е. лексема общественно-политического содержания, мы тем самым подчеркиваем особую роль идеологии в специфике функционирования политического дискурса как такового в целом и его ключевых слов (ОПЛ) в особенности.

Признание неопровержимого положения о неразрывной связи становления, развития и функционирования ОПЛ и идеологии требует от исследователей ключевых слов в ПД поиска новых методологических установок, позволяющих осуществить эту связь в самом процессе исследования. Это становится более необходимым, когда темы исследования лингвиста, политолога и историка пересекаются, и они, независимо друг от друга, приходят к одинаковым результатам, каждый в своей научной области. Так, например, Ю.С. Сорокин, исследуя историю употребления слова *партия* в русском литературном языке [3], подтверждал такое положение Г.В. Плеханова, что «во времена крепостного права вообще невозможно было существование никаких партий, кроме литературных» [4: 771]. Приведенный и множество других примеров убеждают, что там, где изучение лексики связано с изучением идеологии, использование только традиционных лексикологических методов исследования становится недостаточным. Для выявления реальной картины развития идеологически-оценочной лексики (ИОЛ) необходимо глубоко проникнуть в суть той идеологии, внутри которой она функционирует. Язык лишь в той мере способен усвоить и освоить понятия данной идеологии, насколько сама идеология будет усвоена обществом. Представляется весьма ценным при исследовании ИОЛ применить положение о выделении разных уровней в развитии идеологии, высказанное в 70-х годах прошлого века в виде соображений и схем в работе философа К.И. Пантина. «Следует различать по крайней мере три этапа становления идеологии, назовем их «индивидуальный», «групповой» и «массовый». Каждый из них связан с определенной стадией развития нового общественного направления, с определенной фразой зрелости представляющих его сил и тенденций... Первый этап – новая идеология возникает в головах одаренных одиночек-мыслителей, теоретиков, философов. Второй этап – это распространение уже открытых истин, сопровождающихся превращением их в нормы групповой деятельности. ...Наконец, третий этап – превращение доктрин и идеологий, исповедуемых отдельными группами, в практическую деятельность масс» [5: 62]. Пантин исследовал развитие социалистической мысли и соответственно социалистической идеологии в дореволюционной России и идеологии, господствующей в СССР в годы публикации работы. Казалось бы, что для настоящего времени выводы философа неактуальны, так как социалистическая идеология, отвергнутая в начале 90-х годов XX века

советским руководством, в современной России находит своих сторонников только у лидеров и сторонников некоторых оппозиционных партий и консервативных направлений. Она утратила свой общенародный характер, а отсюда и ее основные понятия *социализм, коммунизм* и все, что с ними было связано, подверглось разрушительной критике, результаты которой отражены прежде всего в выступлениях идеологов противостоящих партий и зафиксированы в той или иной мере новыми словарями русского языка. На смену господствующей социалистической идеологии пришла полиидеологичность, через которую с огромными усилиями она пробивается, отвергая в свою очередь идеологии своих противников. Межидеологическая борьба находит свое непосредственное продолжение в осложнении семантики ОПЛ, которое заключается в том, что ключевые слова старых идеологий, с одной стороны, используются с положительной оценочностью в речи их сторонников и с отрицательной – противников, с другой. При всей полиидеологизации современного общества основы идеологий составляют те, которые существовали в Европе и России в XVIII-XX веках, более или менее приспособленные к современным условиям, поэтому и попытки создать новые идеологии оказываются неудачными: для них, собственно говоря, еще не создан язык. Именно об этом говорит видный отечественный ученый и философ Михаил Хазин: «Сегодня мир стоит перед принципиальным радикальным сломом. По силе и размаху он неизмеримо превосходит сломы 1917 и 1991 годов, поскольку в тех случаях были известны и даже, в некотором смысле, привычны идеи, в рамках которых шли изменения. Ныне нет ни *языка описания* (курсив А.Г.), ни альтернативы идей.

Последний раз в истории такая ситуация сложилась в Европе в XVI-XVII вв., когда после более чем тысячи лет христианства начался жесточайший слом в *идеологии* (курсив А.Г.) и экономике феодализма» [6].

Итак, новое время требует новых идеологий, а последние в свою очередь требуют нового идеологического языка, который и создается партийными идеологами. А. Проханов заявляет: «Партия – слуга идеологии», но она же и создатель идеологии, заметим мы. Идеологии создавались в течение веков, а разрушались в довольно короткое время. Но разрушение идеологий не проходит бесследно ни для политики, ни для языка.

В семантике ИОЛ выступают величины постоянные и переменные. Постоянной величиной являются денотаты, нередко получившие свои дефиниции в словарях и различного рода политических справочниках. Переменной величиной является оценка этого денотата и соответствующая оценочность. Со сменой идеологий большинство денотатов остается, но их лексические значения архаизируются и переходят в пассивный запас языка. Идеологическая оценочность же или исчезает вообще, или меняется ее характер вместе с оценкой и соответственно изменяется семантика слова [7: 73-76]. Сейчас Россия ищет свою идеологию. «Идеология оформляет проект, меняющий контуры страны, а порой и мира. Китай имеет идеологию Большого Проекта. Иран имеет идеологию Большого Проекта. США имеют идеологию Большого Проекта. Объединенная Европа имеет идеологию Большого Проекта. Россия не имеет ни идеологии, ни Большого проекта» [8]. В поисках своей идеологии необходима объективная оценка существовавших в России идеологий. Такая оценка может быть только внепартийной, непредвзятой. Между прочим, в настоящее время она ведется только с партийных позиций, в результате которой под удар справа и слева попадает либерализм. При оценке справа, а это прежде всего консервативная идео-

логия, основанная на государственности, православии, единой державе, утверждается, что именно «русский либерализм» проложил дорогу февральской измене. ... Главной его «системной ошибкой» было признание «универсальности принципов», провозглашенных французской революцией XVIII в.» [9]. В понимании сторонников такой идеологии «свержение самодержавия» было подготовлено всем ходом развития «русского либерализма», который, как известно, сам стал одной из первых жертв большевизма. Но сами идеологи русского либерализма (Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, П.Н. Милюков, П.Б. Струве) понимали, что либерализм далеко неоднороден, и требование свободы на уличных демонстрациях или в оппозиционных правительству изданиях должно одновременно сочетаться с пониманием своих обязанностей перед государством. Об этом неоднократно заявлял Б.Н. Чичерин. Следовательно, представление о *свободе* у него и других основателей русского либерализма неотделимо от *сильной власти*, способной требовать исполнения обязанностей, с одной стороны, и обеспечить *единство России*, на всей территории которой население свободно пользовалось правами, с другой. Отсюда – ключевые слова русского либерализма XIX в.: *свобода, сильная власть, права, обязанности, единство России*. «Государственное единство русские либералы XIX и даже начала XX полагали основой, на которой только и может вырасти «дерево» личной свободы» [9].

Посмотрим, как осмысливался в русской лексикографии термин *либерализм* и в какой мере он отражал разнообразие взглядов сторонников этого учения. Во-первых, заметим, что этот термин впервые был зафиксирован в «Настольном словаре...» Ф. Толля и В.Р. Зотова в 1863 г. [10: 691], хотя *либерал* и *либеральный* приводятся уже в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. в значениях: ‘Политический вольнодумец’, ‘Относящийся к либералам’ [11: 253]. Во-вторых, более позднее фиксирование словообразовательно мотивированного термина *либерализм* в сравнении с *либерал* объясняется тем, что чаще словообразовательно мотивированная лексика общественно-политического содержания возникает в языке и соответственно фиксируется словарями позже, чем немотивированная лексика уже потому, что, например, слова на *-изм* выражают семантически более сложные явления, чем родственные им немотивированные этим суффиксом. Сами течения, будь то *либерализм, социализм, коммунизм* и др., – явление более позднего порядка, чем сторонники этого течения – *либералы, социалисты, коммунисты*. Понятия *либерал, либерализм, либеральный* отражают особенности западноевропейской истории, что фиксируется в их первых дефинициях: «Либерализмом называют образ мыслей, видящий благо России в постепенном прогрессе на манер западных государств» [10]. Как известно, именно на волне либеральных ценностей в Западной Европе к власти пришла буржуазия. И этот признак термина отмечается многими словарями периода первой русской революции и позднее: «В настоящее время *Либерализм* составляет сущность общественной и политической деятельности буржуазии...». «... Является выражением стремлений и идеалов буржуазии, занимающей середину между консерватизмом и демократизмом» [12].

Таким образом, в одном из направлений русского либерализма, совмещающем требование свободы личности, опирающейся на единство России и сильную государственную власть, проявляются черты, свойственные исконно русскому консерватизму, от чего не отказываются и идеологи Изборского клуба. Вообще охватить в словарной дефиниции все признаки таких политических терминов, как *либерализм*, довольно сложно. Поэтому мы считаем неполной такую дефиницию: **Либерализм.** ‘Одно из влиятельных

общественно-политических течений, в центре внимания которого находится понятие свободы человека от социально-политических форм контроля со стороны государства» [13]. Но следует учесть, что в дефиниции термина **Либерально-консервативный** подчеркивается указание на традиционность русского либерализма [Там же].

Антилиберальная идеология, которую исповедует и развивает газета «Завтра» во главе с А. Прохановым основной своей целью ставит развенчание других идеологий и создание на базе пророссийской консервативно-славянофильской идеологии своей собственной, отвечающей вызовам современности. Оригинальность языка этой идеологии заключается в том, что в нем переплетены элементы древности и современности на всех структурных уровнях – от морфемно-словообразовательно до текста. Создатели Изборского клуба стремятся объединить вокруг себя всех недовольных тем, что произошло в современной России, тех, кто стал жертвой горбачевско-ельцинских нововведений. А их – подавляющее большинство. И всех их приобщить к новой идеологии. Из трагических времен русской истории взят на вооружение термин *Смута*, которому придан «изборский» смысл. В.О. Ключевский в «Курсе русской истории» считал, что «Московское государство испытало страшное потрясение... Это потрясение свершилось в первые годы XVII в. и известно нашей историографии под именем Смуты, или Смутных времен». Итак, Смута – это «*мятеж, беспорядки, волнение*, т.е. Смутные времена», по Ключевскому, а в понимании идеологов Изборского клуба, в содержание термина Смута входит и *отрицание целого периода истории* (имеется в виду отмена праздника 7 ноября, приводящая к замене одной части расколотого сознания, «красного» патриотизма, другой его частью: антисоветизмом) [14].

Ключевой фигурой Смуты является самозванец. В 90-е годы такой фигурой стал, по мнению изборских идеологов, Ельцин, оседлавший чаяния значительной массы народа. Самозванцы, как правило, харизматические личности, выдвигаются внутри большого народа «малым народом», для которого Лев Гумилев использовал термин «антисистема», который авторами «Завтра» определяется как «особая нигилистическая субкультура, отрицающая реальный народ, реальную традицию во имя абстрактных целей». Отрицание всего, что было в истории до них, желание начать историю сызнова, «с нуля» характерно для всех антисистем» [14].

Если «*антисистема*» получила в указанной статье терминологическое определение, то «*система*» как термин новой российской идеологии, еще не стал реальностью. «Кремль пытается сформулировать новую государственную идеологию – идеологию державного строительства, антилиберального русского ренанша, идеологию имперского возрождения России. Кремль пытается заговорить с обществом на новом языке, выразить новые смыслы, сформулировать новые цели. И не может» [15]. Представители Изборского клуба убеждают Путина, что не «пучеглазая» толерантность» есть основа общности народов России, а Русская Соборность – учение о «единстве в многообразии». О единстве цели и смысла в разнообразии их национальных особенностей и форм. Это учение имеет давнюю историю – «от Тютчева и Достоевского, Каткова и Леонтьева до Аксакова и Данилевского, преподобного Серафима Саровского и митрополита Иоанна Снычева» [15]. Что общего для всех перечисленных неравновеликих имен? Вера в имперскую оживляющую и сохраняющую силу православной России и ее ядра – Русского народа. В философском учении А. Проханова *Империя, имперский* лишь частично сохраняют свою прежнюю семантику

‘О могущественном государстве, состоящем из территорий, лишенных политической и экономической самостоятельности и управляемых из центра’ [13]. «Под империей в данном случае понимается не территория, не географический локус, а симфония пространств, способная гармонизировать народы, верования, языки, слить разрозненные микрокосмы в единый макрокосм. Вопреки оппозиции «свои и чужие» империя предлагает позицию, опорную точку «все свои», что достигается не путем прямого суммирования или грубой эклектики, а путем взаимодополнения, взаимоусиления духовных потенциалов всех народов, входящих в империю» [16]. Действительно многие составляющие понятия Империи Изборского клуба развивают на современном этапе представления о возможном, почти идеальном образовании, различных микрокосмов в составе единого макрокосма. В юбилейном номере газеты «Завтра» редакция заявляет: Три мифологемы, три формулы открыл, обозначил и последовательно развивает Александр Проханов. Первое направление связано со словом «Империя». Именно газета «Завтра» вернула это слово в идеологический и политический контекст современности. Слово «имперский» вернулось в Россию с положительными коннотациями и теперь ассоциируется со словами: «интегральный», «общий», «братский», «держава», «универсум», «ойкумена»... [17]. Что можно сказать об этой утопической, одновременно философской и лингвистической, идее Проханова? Ее воплощение в реальность возможно только в результате окончательной победы идеологии Изборского клуба, когда она станет, по Пантину, «практической деятельностью масс», в которые примут прохановскую идеологическую оценочность слов «империя», «имперский» предполагающую отказ от противопоставления своих и чужих, что свойственно нашему времени, что афористически выразил Тютчев в известном стихотворении «Два единства», направленном, с одной стороны, в защиту славянского православия, с другой, – против прусского милитаризма Бисмарка: *«Единство, – возвестил оракул наших дней, – Быть может спаяно железом лишь и кровью...» Но мы попробуем спаять его любовью, – А там увидим, что прочней...* [18: 255].

Итак, *Единство*, основанное на *Любви* – вот суть современной имперской идеологии Изборского клуба. Так как эта идеология рождается в непримиримой борьбе с ее противниками, выстраиваются два оппозитивных ряда ключевых слов этой идеологии. Первый ряд: *православие, самодержавие, консерватизм, империя, имперский, антилиберализм, вождь, обязанность, порядок, система, соборность, русский*. Второй ряд: *либерал, либеральный, либерализм, свобода, смута, самозванец, антисистема, толерантность, западничество, европейский*. И, как обычно, между двумя полярными рядами возникают промежуточные звенья, используемые антагонистическими идеологиями одновременно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голованевский А.Л. Лексикографическая память как один из факторов выражения идеологической оценочности в средствах массовой информации // Научное издание «Язык и культура». Вып. 14. Том III (149). – Киев, 2011. – С. 215-221.
2. Голованевский А.Л. Об оппозициях русского политического дискурса и средствах их выражения (К постановке проблемы) // Научное издание «Язык и культура». Вып. 15. Том II (156). – Киев, 2012. – С. 13-21.
3. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы. – М.: Наука, 1965.

4. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 5 томах. Т. IV. – М.: Госполитиздат, 1958.
5. Пантин И.К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. – М., ИПЛ, 1973.
6. Хазин Михаил. Красный проект // «Завтра». Август, 2012 г. № 33 (978).
7. Голованевский А.Л. Словарь оценочной лексики в системе словарей русского языка // Аванесовские чтения. Международная научная конференция 14-15 февраля 2002 г. Тезисы докладов. – М., МАКС Пресс 2002.
8. Проханов А. Орден мучеников XXI века // «Завтра». Сентябрь, 2012 г. № 39 (984).
9. Карпец В. Битва за историю // «Завтра». Август, 2012 г. № 33 (978).
10. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. В 3 томах. Под ред. Ф. Толля и В.Р. Зотова. Т. 2. – СПб, 1863-1864.
11. Словарь церковно-славянского и русского языка. В 4 томах. Т. 2. – СПб, 1847.
12. Современный общественно-политический и экономический словарь. – М., 1906. – С. 45. Майданов Д.Т., Рыбаков И.И. Новый карманный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. – Одесса, 1907. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / Сост. Е. Ефремов. Под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. – М., 1911. – С.244.
13. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. – М.: ЭКСМО, 2008.
14. Аверьянов Виталий, Черемных Константин. Русская правда. О преодолении Смуты // «Завтра». Ноябрь, 2012 г. № 46 (991).
15. Душенев Константин. Патетика и прагматика Русского возрождения // «Завтра». Ноябрь, 2012 г. № 46 (991).
16. Кильдяшов Михаил. «Победа уже одержана!» О философском учении Александра Проханова // «Завтра». Февраль-март 2013 г. № 9 (1006).
17. Проханов А. Миф XXI века // «Завтра». Февраль-март, 2013 г. № 9 (1006).
18. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1987.

УДК 821.01./04

*Красильникова О.
(Київ, Україна)*

АНІМІСТИКА : ВВЕДЕННЯ В НАУКОВУ ДИСЦИПЛІНУ

*Пропонованою доповіддю (як і раніше монографією “Нова книга”: К.,2005. – 384 с.) започатковується нова дисципліна – анімїстика: в утермінування якої покладається латинська назва Душі – **anima**. Тож анімїстика – це наука про Душу; наука, що не стільки включає в себе досвід аналогічних досліджень – як у сфері гуманітарних, так і при-*

© Красильникова О., 2013